

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 61

Издательство Томского университета
2014

инструментов законодательной техники. Унификация правового режима на законодательном уровне могла бы способствовать раскрытию сущности правового режима, преодолению спорных вопросов в научной, правоприменительной деятельности.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАИБОЛЕЕ ОПАСНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

Д.А. Савченко

Первым русским законодательным актом, в котором наиболее опасные правонарушители были выделены в особую категорию, стала Псковская судная грамота. В ее ст. 7 определялись правовые последствия наиболее опасных посягательств на интересы городской общины: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати».

Предписание «живота не дати» обычно трактуется как «казнить смертной казнью». Утверждается, что «Псковская судная грамота явилась своеобразной вехой в развитии законодательства о смертной казни. Впервые... к действию смертной казни была отнесена целая группа преступных деяний»¹.

Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в древнерусских нормативных актах слово живот, как правило, употреблялось в значении имущество². При этом в большинстве случаев речь шла об имущественных отношениях в семье применительно к наследственному праву. Изложенное позволяет предположить, что правило «живота не дати» означает не только и не столько смертную казнь правонарушителя.

Как представляется, принципиальная возможность назначения за преступление смертной казни в Древней Руси вытекала из иных источников права. Ведь с точки зрения христианской правовой идеологии правомерное причинение человеку смерти должно было иметь религиозное обоснование. Ни составители Псковской судной грамо-

¹ Памятники русского права: в 35 т. Т. 2: Памятники права удельной Руси. М., 2013. С. 22.

² См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 405.

ты, ни автор одного из ее источников – великий князь не могли присвоить себе право ввести норму о причинении смерти в качестве наказания. Эта мера устанавливалась только царем. Только царь мог дать закон (в его христианском понимании), тем более закон о смертной казни. Поэтому в древнерусский период сама возможность смертной казни наиболее опасных преступников, как представляется, определялась законами царей – греческих (Градский закон, включенный в Кормчую книгу) и ордынских (Ярлыки).

Как известно, основной целью составителей Псковской судной грамоты была регламентация полномочий действовавших в Пскове судов, упорядочение соответствующих процессуальных и имущественных отношений. Содержание грамоты составляли, прежде всего, нормы гражданского процесса и гражданского права. При этом в шести статьях этого акта (ст. 14, 84, 87, 88, 89, 100) речь идет о «животе» как о переходящем по наследству имуществе. Полагаем, что и в ст. 7 Псковской судной грамоты «живот» – это нажитое при жизни человека имущество. В случае смерти собственника его судьба решалась церковными и светскими властями, которые могли определить, кому и в какой пропорции его нужно передавать («живота дати»).

По своей конструкции правило «живота не дати» представляло собой запрещающую норму. Она предписывала судьям, к которым преступник мог бы обратиться с просьбой «дать живот» (например, для того, чтобы откупиться от смерти), отказать в такой просьбе. Подобные запреты были известны праву других народов как неотъемлемый элемент «изгнания из общины».

Таким образом, можно предположить, что предписание Псковской судной грамоты «живота не дати» означает не смертную казнь, а лишение преступника «нажитого им достояния», а значит, и лишение его возможности откупиться от смерти, а также запрет передавать по наследству имущество этого преступника, прежде всего имущество движимое, нажитое им при жизни. Весь «живот» преступника, вероятно, обращался в пользу общины и распределялся между горожанами. Ведь именно община была в этом случае «коллективным потерпевшим», имевшим право на возмещение причиненного ей вреда.